

«Мария избрала наилучшую часть»
(«Maria optimam partem elegit»)

15 августа 1446

Успение

Майнц

1. «Мария избрала наилучшую часть, которая не отнимется у Неё» (Лк. 10)¹.

Мы совершаем торжество дня, когда человеческая наша природа в Преславной Деве Марии, милостивейшей нашей заступнице, оказывается вознесена *превыше ликов ангельских к Небесным царствам*² - к Сыну.

Вознося Ей хвалы, мы собрались сегодня в этом месте, чтобы через Саму Матерь милости заслужить себе милости, да сподобит нас вымолить себе соучастие с Нею в *Небесных [царствах]*.

Обратимся же к Неё с приветствием и испросим для меня сил сказать о Её Успении что-нибудь достойное нашего ради назидания.

2. Слова темы можно приложить к *избравшему наилучшую часть* разумному духу, в том же смысле в каком подходит это евангельское чтение и празднику.

В самом деле, если *сидеть у ног Иисусовых и слушать слово Его*, предавшись одному *необходимому* и эту *часть избрав*, есть то *наилучшее*, что *никогда не отнимется*, и если это верно для Марии Магдалины, то в максимальной степени верно это и для Той Марии, Которая есть Theotocos, что значит Богородица.

Отсюда в согласии с таким толкованием можем ради поучения нашего представить целью нашей интеллектуальной природы обретение счастья. Однако ему предшествует избрание, ведь обрести счастье требуется сообразным интеллекту способом, и потому избрание предшествует. И вместе с тем невозможно ни избрать, ни пожелать полностью неизвестного³; и следовательно, избранию предшествует просвещение.

Соответственно этим трём пунктам и станем черпать [из Евангелия].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

3. Что касается просвещения, то учёные должны прежде всего почерпнуть из слов Христа некое глубокое учение, а именно, что разумный дух наш причастен разуму божественного Разума, называемого «Словом» или «Логосом»⁴.

---

¹ Лк. 10, 42; чтения праздника: Сир. 24, 7-17 (24, 11-20); Лк. 10, 38-42

² из утренних антифонов праздника

³ см. прим. к ССXXXVII, 12

⁴ см. прим. к «О равенстве» 7

И по этой причине мы, благодаря этому божественному свету, просвещающему всякого человека, приходящего в сей мир,⁵ ощущаем присутствие в себе, во врождённых желаниях нашей воспринимающей способности, тех [вещей], которыми назвало Себя Само Воплощённое Слово, а именно: *истины, жизни и пути*⁶.

Ведь если Сам божественный Разум, по образу Которого наш разум сотворён и от Которого имеет свет разума, называет Себя ими, то неудивительно, что и мы с великим желанием тянемся [во-первых] к *истине*, [во-вторых] к *жизни*, истинной и нескудеющей, и [в-третьих], в нас также, словно в образе своём, присутствует вечный закон, который есть *путь* к истине и жизни.

4. Но поскольку разум наш, который есть свет от божественного света, *светит во тьме* этой телесной и плотской субстанции, так что духовная его природа остаётся в тени тела не только *неразличимой*, но даже – при том, что разумный дух словно заключён в плотскую темницу, - неспособной добывать себе духовное питание иначе, как через окна тела, - то поэтому всё его питание, будучи черпаемо в чувственной среде, оказывается ему несоразмерным, не будучи ни истинным, ни жизненным, ни оформленным так, как то требуется разумному духу.

Поэтому для заключённого в плоть разума искомое в своей истине остаётся недоступным, как недоступна для глаза истина предмета, загороженного не вполне прозрачной средой, скажем, цветным стеклом.

5. Видя это незнание, Бог послал Сам абсолютный Разум и Слово, или единосущного Сына, в плоть, чтобы научить нас тому, как возможно достичь желанной истины и жизни, которой нет в этом мире.

Именно этому и учит нас Христос способом ясным, лёгким и кратким в сегодняшнем Евангелии, где наставляет, что для разумной души, представленной как в Марфе, так и в Марии, возможно двоякого рода упражнение в отыскании для духа в пищу *истины*, или *жизни*, или *пути*, а именно: либо упражнения во *множественности разных* [дел], либо упражнение в *одном*⁷.

То [упражнение], что состоит во множестве, *беспокойно* и принадлежит времени; в нём нет ни *истины*, ни *жизни*, ни *пути*, потому что, [во-первых], *истина* пребывает незыблема; [во-вторых], то, что должно питать дух нетленной *жизнью*, не может быть разделено на *многое*, распадающееся в *беспокойной* шаткости; и поэтому, [в-третьих], *забота о разной и mnogой службе* не продвигает по *пути* вечного и нетленного закона⁸.

---

⁵ Ин. 1, 9

⁶ Ин. 14, 6

⁷ Различая ниже путь Марфы и пути Марии через противопоставление «одного необходимого» и «многого», НК опирается на евангельский текст Лк. 10, 38-42: Марфа, *заботящаяся о mnogой службе* («circa frequens ministerium» - многие и разные, повторяющиеся во времени труды), *хлопочет и беспокоится*, или «*смущается*», о многом («sollicita es et turbaris erga plurima»), тогда как лишь «одно необходимо» («едино есть на потребу»; «unum est necessarium»). Ко всему толкованию ср. у НК: «О начале» 6-8.

⁸ «путь, истина и жизнь» применительно к Лк. 10, 38-42 – ср. у НК: LV, 4-6

6. Следовательно, поскольку *многое* привносит в дух, который взыскует мира, *беспокойство и смятение*, то духу тогда *необходимо* избрать *одно*. Ибо одно есть то, что единит, а тем самым и животворит, и делает вечным (*aeternificativum*).

Таким образом у разума есть возможность *избрать* либо ту *часть*, что состоит в обращённой к низшему суете *многой службы*, которая быть *многой* не может без разделения, и поэтому полна *смятения*, либо же [избрать] обращённый к высшему досуг, отдающийся *одному*, которое есть самосущее начало, вечное и покойное, какого бы то ни было смятения лишённое. И избирая себе целью *одно необходимое*, он *избирает* тем самым *часть*, в которой обретает вечный покой, и *которая не отнимется у него*.

Многое в силу своей множественности не может ни быть из себя самого, ни устоять само собою (*per se subsistere*)⁹, ни найти покой в себе самом, потому что начало множественности есть *одно необходимое*. Ибо что для существования множества *необходимо*, так это *одно*, без которого многому быть невозможно.

7. Стало быть, это *одно, необходимое* для полагания множества, есть причина, начало, середина и конец, из которого, которым и в котором существуют множественные вещи.

Поэтому утруждать себя *многим* – это не прямой путь к покою, поскольку во *многом* ничего нет от себя, и только *одно* есть его покой. И только это *одно*, будучи целью желанного разумного духа, *необходимо* – в том смысле, что только в нём как в абсолютно необходимом разумный дух сможет, словно в начале, середине и конце и себя самого, и своего желанного, т.е. истины, жизни и вечности, счастливо упокоиться, ибо только тогда, завершив обход, возвращается дух превыше себя самого¹⁰.

Ибо цели [своей] достигает он не так, как если бы была дана в [чём-то] другом, т.е. не как тот, кто ищет цели во множественности. Последний и не может найти цели нигде, как только в ином, и, следовательно, находит её только по-иному¹¹, т.е. способом ущербным и несущим *смятение*. Тогда как ищущий цели в *одном необходимом* находит её не как [находят] в ином, но как [находят] в *одном необходимом*.

8. В самом деле, [всякое] «одно» безущербно достигает себя самого только в своём *одном необходимом*, благодаря которому оно и есть «одно», подобно тому как отпечатанная в воске форма безущербно достичь себя самой может только в печати, образом которой является, ибо только там достигает своей меры в её истине. Ведь [только] праобраз есть истинная мера того, чему он праобраз.

---

⁹ к понятию «субсистенции» см. прим. к «О начале» 2

¹⁰ «redeat spiritus supra se ipsum reditione completa» – ср. «Книга о причинах» XIV, 124: «omnis sciens qui scit essentiam suam est rediens ad essentiam suam reditione completa»; см. также «Конъектуры» II, 16, 159; проп. CCLI, 14

¹¹ «non nisi aliter» – в двух смыслах: 1) всегда по-разному; и 2) по способу иного, не собственным образом, никогда не как «то самое»; ср. «О равенстве» 6 и прим.

Подобно ученику, приходящего к совершенству и покою [лишь] тогда, когда сделается, как учитель¹², разум наш тоже достигает совершенного покоя [лишь] в *одном необходимом*, т.е. в самом бесконечном разуме, потому что [достигает его там] не как в [чём-то] ином, но как в нашем [собственном].

И *когда*, упокоеваясь в нём, *явится*, то *подобен ему будет*¹³ (о чём мы в достаточной мере наставлены учением святых).

9. И теперь, наученные этим Христовым поучением, мы сможем с лёгкостью разъяснить понять все те глубочайшие философские труды, что изучающим кажутся крайне трудными.

В самом деле, платоники, как это очевидно из книги Платона «Парменид», отвращаясь от множества, устремлялись к «одному», каковое «одно» есть сама абсолютная необходимость, разум и смысл всего сущего.

Все вещи суть настолько, насколько они суть «одно» (как говорит Боэций в «О единстве и едином»¹⁴), а абсолютное «одно» есть все вещи по способу одного (как говорит Дионисий в «Божественных именах», ближе к концу¹⁵), ибо свёртывает всё в себе как причина.

10. Одно предшествует всему - так учит нас наш народный немецкий язык, ибо мы всегда любому называнию предпосылаем единицу и говорим: «один человек», «одна сущность», «одно собрание», «одна субстанция», «одно количество», «один ангел», «одна сила», и так далее. Отсюда следует, что всё называемое – после «одного».

*Им, из него и в нём*¹⁶ причащаются все вещи, каждая по-своему, «одному»; само же одно неизреченным и несопоставимым образом вознесено надо всеми.

Поэтому что угодно именуемое менее его, подобно тому как что угодно именуемое в городе менее самого города, поскольку с именем города свёрнутым образом идёт и всё, что есть в городе. Так и что угодно в мире менее «одного».

Поэтому Марфа, различными *службами* сошедшая во *многое*, оказывается в *смятении* заслуженно, ведь «всё» может быть дано только в «одном».

11. «Одно», поскольку оно «одно», не может быть от чего-то иного, ибо единство раньше всякой инаковости, так что инаковость есть либо отпадение от единства, либо недостаток приближения к «одному».

---

¹² Мф. 10, 25

¹³ 1 Ин. 3, 2

¹⁴ имеется в виду трактат «De unitate et uno» (§3) Доминика Гундиссалина, ошибочно приписывавшийся Боэцию

¹⁵ «omnia uniter» - Дионисий Ареопагит, «О божественных именах» XIII, 3

¹⁶ Рим. 11, 36

«Одно» и действует как «одно», т.е. как горячему свойственно нагревать, о холодному охлаждать, так «одному» - единить. Поэтому действовать для «одного» значит призывать «не-одно» к своему единству.

И поскольку «одно» по природе своей неразмножимо (дважды «одно» - уже не «одно», но иное, чем «одно», а именно «два»), то поэтому, когда «одно» призывает «не-одно», то есть чистое ничто, к своему недостижимому единству, тогда творение восстаёт в уподоблении.

Таким образом, заключаешь: поскольку «одно», то тем самым и все. Поэтому «одно» для всех необходимо.

И даже то, в чём вообще ничего от единства нет, то есть чистое ничто, всемогущество «одного» способно в уподоблении «одному» воздвигнуть.

Таким образом, всякое творение, поскольку существовать, не будучи «одним», не может, оказывается уподоблением «одному», абсолютному и превознесённому.

12. Однако множественные творения не могут иметь одну и ту же степень уподобления, ведь «одно» неразмножимо. Поэтому всякое творение уподобляется абсолютному «одному» своим единственным способом. Но так как [все] множественные творения суть не что иное, как уподобления абсолютному «одному», [все] они, тем самым, в такой разнице своих единичностей [между собой] согласны; это и есть гармония мира.

Причём всякое творение от «одного» имеет как бытие «одним», так и единящее действие. Отсюда уподоблением точно так же оказывается и всякое действие любого творения. Горячее, нагревая, призывает к себе не-горячее. Но поскольку не-горячее неспособно достичь тождества его недостижимого единства, то оно восстаёт тогда в уподоблении. То же и с интеллектом, действие которого, поскольку состоит в призывании не-интеллекта к своему единству, точно так же оказывается уподоблением. То же и со всеми [действиями] природы и искусства.

13. Итак, удивительное это учение Христа состоит в том, чтобы всякий пожелавший отыскать истину не изнурял себя множеством сущих, разыскивая, к примеру, что такое небо, что такое земля, и так обо всём, ибо если все эти вещи рассмотреть сами по себе, то в них как во множестве не окажется ничего истинного, но только *смятение* ума, который после бесконечных изнурительных трудов убеждается, что в точности не постиг ничего и только бесполезно потратил время.

Но если во всём [этом множестве сущего] обратится к «одному», то убедится что это «одно» для всего есть абсолютная необходимость, ибо, как говорит Дионисий, есть абсолютное «одно» и, следовательно, всё¹⁷. Причина причин и всякого бытия есть не что иное, как это: потому что есть «одно».

---

¹⁷ см. Дионисий Ареопагит, там же

Тот во всём ищет мира и покоя, поняв, что необходимая причина всего есть «одно», тот правильно пользуется «книгой, написанной перстом Божиим»¹⁸, т.е. сотворённым миром, кто знает, что всё творение есть уподобление «одному», кто знает, что «одно небо», будучи призвано из «не-одного», восстало в уподоблении абсолютному «одному», и тем ближе в таком уподоблении к «одному» подступило, чем дальше вознесено от «не-одного»!

14. Таковой покоится у ног разумного мира, чтобы *слушать*, что скажет в нём разумный дух, ибо в каждом творении как в уподоблении «одному» разглядывает само это *одно необходимое* и *избирает* его. Увидев там одно дерево, там – один камень, там – одно животное, там – одну звезду, он с лёгкостью теперь понимает, что, раз все эти вещи согласуются только в единстве, то тогда все они - от «одного», благодаря которому и соединены воедино. И поскольку «одно» может быть только одно, все имеют своё единство от одного [и того же единства].

Но поскольку дерево не есть ни звезда, ни камень, то тогда то, что вот это есть именно дерево, или камень, или что-либо другое именуемое, идёт не от сущности «одного». Абсолютное «одно» раньше всего именуемого, а всё именуемое, поскольку не достигает неразмножимого «одного», обладает тем, к чему призвано, в том модусе, каким бывает именуемо в качестве [вот этого] «одного». То есть, его бытие есть уподобление, так что «одно небо» есть уподобление тому «одному», что зовётся «небом», «один человек» - уподобление «одному», называемому «человеком», «одна сущность» - уподобление «одному», называемому «сущностью», а «одна сила» - уподобление «одному», таким именем называемому.

15. Итак, вот она, эта лёгкость трудного¹⁹: чтобы нам, распознавая *одно необходимое* во всём и всё – в уподоблении ему, *сидеть и слушать*, как в нашем разуме все вещи говорят «одно», и что, хотя все стараются выразить это «одно» уподоблением, сделать это они, тем не менее, бессильны, потому что уподобление всегда по сравнению с «одним» ущербно.

И тут наша тянущаяся к истинному мыслительная способность замечает истину «одного», т.е. равенство или высшее уподобление, и тем самым [это] «одно», которое непостижимо, поскольку опережает всё, что можно помыслить или высказать, в этом высшем уподоблении равенства, т.е. в истине «одного», постигает

В самом деле, истина «одного» есть высшая точность подобия. Такая точность, которую можно назвать истиной, и есть то, в чём наш интеллект жаждет постичь абсолютное «одно».

Мы захвачены истиной, ибо истина есть высшее равенство «одному». Ведь когда [например] о золоте изрекают: «истинное» - в смысле «истинное золото», то тем самым

---

¹⁸ см. прим. к VIII, 16

¹⁹ «*facilitas difficilium*» - о «лёгкости в трудном» и «трудной лёгкости» см. у НК: «Простец о мудрости» II, 28; «О видении Бога» 1; «О неинном» XIX, 87; «Вершина созерцания» 14

ничего, кроме золота, не допускают. То есть, «истинное» есть высшее равенство и уподобление, не допускающее никакой инаковости²⁰.

16. Поэтому, постигая «одно» в истине, которая зовётся также «Логосом», или «Словом», или «Сыном», мы постигаем само «одно» *как оно есть*²¹, т.е. в точном подобии.

Так постичь «одно» значит постичь его само, как оно постижимо интеллектом, при том что превосходит в себе всякий интеллект. И когда оно вот так интеллектом постигаемо, тогда в истине обретает покой и счастье жизнь этого интеллекта, которая теперь уже оскудеть не может. *И избранная часть «одного необходимого» никогда не отнимется у неё, у такой души.*

Далее, из святого евангельского чтения, наставляющего нас, что *Мария сидела у ног Иисусовых и слушала учение Христово*, мы должны почерпнуть то, чему именно наставляли Марию, чьё имя значит «просвещённая башня»²², слова Христа: дух, в природных своих сокровеннейших желаниях вожделеющий бессмертия интеллектуальной жизни, научится этому, став подобен «просвещённой башне», тогда, когда узнает, что то, чего вожделеет, есть «одно», которого в отдельной множественности не найти, хотя без него никакое бытие невозможно.

17. Это как если бы живой глаз захотел отыскать истину своей жизни и узнать, где он поистине живёт, - глазу не следует тогда обращаться в поиске источника своей жизни ни к какому из телесных членов, потому что ничто такого рода не есть причина и смысл его жизни, пусть даже и выглядит убедительным, что [те или иные] члены подают ему жизнь: скажем, рука, подносящая пищу, или желудок, её переваривающий, или кости и зубы, и все прочие члены, очевидно трудящиеся вместе ради того, чтобы глаз был жив. Все эти отдельные живые члены не суть истинная жизнь глаза, хотя каждый по-своему жизни глаза и причастен, так же как каждый и своей жизнью обладает по-своему в уподоблении жизни первоисточной, к которой они все обращены, в которой успокаиваются и которой служат. Они живут с глазом одной жизнью, каковая и есть душа.

Поэтому когда глаз решит, что источник его жизни находится в этом множестве, то обнаружит, что жизнь там полна *смятения* [и переменчивости], и сам, оттого что принял за истину свой жизни тленные вещи, придёт *в смятение*. Однако, заметив оскудение жизни в руке, которая усыхает, при том что сам он несмотря на это всё ещё живёт, понимает, что жизнь членов зависит от одной более истинной жизни, которая в своей истине не скудеет, даже когда оскудевает [тот или иной] член.

И к этой одной жизни, по причастности которой вся жизнь [отдельных] членов есть то, что она есть, и обращается он тогда как к единственной и необходимой причине всех живых членов; то есть, [обращается] как к истине своей жизни к самой душе и, *избирая её в наилучшую часть*, чтит её и любит как источник собственной жизни. И жизнь эта

---

²⁰ ср. «Теологические дополнения» 2 и прим.

²¹ 1 Ин. 3, 2

²² «turrus illuminata» - популярная этимология имени Мария

не отнимется у глаза до тех пор, пока глаз остаётся пребывающим в единстве жизни души.

И тогда он видит, что это ради обеспечения жизни его устроены [отдельные] живые члены, скажем, живая рука, желудок, и т.д., так, что живут, не сливаясь [друг с другом] жизнями.

18. Интеллект пребывает в человеке, словно Бог в мире: не погруженный, но отрешённый (*absolutus*).

И этот один интеллект призывает к себе все [телесные члены], чтобы жили в единстве его жизни. Однако единство его неразмножимо. И поэтому [телесные] члены человеческие, каждый по своему причащаясь его жизни, обладают жизнью в уподоблении его жизни.

Сама жизнь интеллектуальной души сообщает себя через единение всем поровну, однако уподобление ей в разных членах оказывается разным, скажем, одно дело - в волосах и ногтях, где темнее всего, и иное дело - в руках, где несколько яснее. И ещё яснее – в глазах.

Так же относится и абсолютное «одно» ко всем «членам» этого мира, из которых каждый является по-своему «одним» в уподоблении «одному» абсолютному. И как один интеллект свёртывает всё в своём единстве, единя по-своему, т.е. по способу интеллекта, так «одно» абсолютное [свёртывает] всё, единя абсолютно.

И как от развёрнутых вещей интеллект путём единения подводит нас к свёрнутости, давая возможность хоть в малой мере прикоснуться к единству интеллекта, так и от множества единиц мы путём единения поднимаемся к абсолютному «одному», чтобы таким образом достичь *одного необходимого*, которое потому *наилучшее*, что оно - превознесённое «одно»²³.

Благому же свойственно призывать к себе и делать благим, ибо то «одно», которому свойственно единить [с собою], есть *наилучшее* - абсолютное «одно», взятое в точном и высшем, т.е. *наилучшем*, уподоблении.

19. И если, таким образом, Мария Магдалина, *сидя у ног Иисусовых*, от *слышания слов Его* пришла к *избранию наилучшего* в свою меру, т.е. как Мария Магдалина, то насколько же превосходней вознеслась тогда превыше всех небес приведённая к *избранию наилучшего* Дева Мария, заслужившая быть Матерью Иисуса – и Слова, и Света, и Разума, и Истины!

О сколь высоко превыше всех умозрений *увидела* Она это невидимое «одно», о сколь здоровым вкушением *вкусил* от одного источника жизни! Если и Давид поднялся до того, чтобы сказать: «*Вкусите и видите, сколь сладостен Господь!*»²⁴, то насколько

---

²³ «*unum superexaltatum*» - термин из Прокла в переводе В. Мёрбеке; см. прим. к «О начале» 28

²⁴ Пс. 33, 9

выше по заслуге Своей Она всех пророков, настолько совершеннее *видела и вкушала* Его, у Кого источник блага и Кто единственно и есть то самое одно благо, к коему все стремятся²⁵.

И *избрала* Она эту *наилучшую часть, которая не отнимется у Ней*, потому, что избирать значит вступать в единение.

20. Так что избирающая способность Марии, т.е. интеллектуальный дух, соединился с *наилучшим*. Душа не может отвернуться от *наилучшего*, избираемого само по себе, в чём и заключена причина его избрания.

Коль скоро к благу по природе стремятся все, то, следовательно, [однажды] по способу интеллекта *избрав наилучшее*, интеллект уже никогда не может не избирать его. По способу же интеллекта избирает тогда, когда интеллектуально предвкушает его как *одно необходимое*.

Приходит же такой вкус вместе с той живительной для духа пищей, что подаётся в просвещении Слова Божия, ибо Оно просвещает: так Мария Магдалина просвещалась, *сидя и слушая слово Иисусово*.

Поэтому, хотя *богатства стяжали и многие дочери*, т.е. разумные души, просвещённые словом жизни на пути *избрания наилучшего*, одна лишь эта «просвещёнейшая башня», Мария, Theotocos, *превозмогла их всех*²⁶, так что заслуженно к Ней в превосходной степени применимо то, о чём повествует Евангелие и что получила грешница Мария Магдалина.

И это о первом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

21. Во-вторых, чтение святого Евангелия можно понимать и так, что здесь говорится об упражнении, живительном для всякого христианина, и [говорится вот] в таком или подобном смысле.

Войдя в этот мир, словно в *некое селение* универсума, Иисус был *принят в доме* этого селения, т.е. в Церкви, которая зовётся Его домом. И в этом доме, где принят Иисус, были *две сестры*, символизирующие упражнения человека и христианина, которые, хотя и различны, всё же принадлежат двум сёстрам одного и того же дома; одно – упражнение в любви к ближнему, другое – в любви к Богу.

Упражнение в любви к ближнему изображено Марфой, которая *приняла Иисуса и «заботилась о mnogой службе»*.

---

²⁵ «omnia bonum appetunt» - ключевое свойство блага, школьный тезис: Аристотель, «Никомахова этика» I, 1 1094a2-3

²⁶ Притч. 31, 29 (Вульг, цсл)

Дела, которые мы делаем Христу, когда кормим, поим, посещаем Его в ближнем, суть дела христианские, угодные Богу, поскольку это дела милосердия совершённые в любви к ближнему ради Христа.

22. Однако они несут с собой *многое смятение и беспокойство*, ибо готовность к служению присутствует в душе не всегда – или по немощи плоти, или по нехватке потребных для служения вещей, или из-за назойливости и непослушания тех, кому нужно послужить, или из-за множества других помех, часто вносящих смятение, таких как телесная усталость, переутомление, теплохладность, и т.д.

Тем не менее, жизнь эта угодна Богу и составляет заслугу тем большую, чем больше у деятеля будет любви; и она должна быть жизнью тех, кто желает преуспеть в своём христианстве.

По Григорию, христианам надлежит «доказать себя в поле деятельности»²⁷ делами милосердия, телесного и духовного, *заботясь* в таких святых упражнениях *о mnogой службе* Христовой, чтобы, таким образом достигши состояния христообразного, каковое есть *смирение и кротость сердечная*, смогли они, одолев *смятение* и сокрушив напасти, всецело обратиться к *одному необходимому и наилучшему*.

23. И затем есть [другая] жизнь, которая следует за [только что описанной] и состоит том, чтобы в богообразной любви прилепиться к Богу безусловно, то есть после трудов жизни деятельной, когда праведными упражнениями укрощена плоть, и ты, жертвуя по любви из отпущенных тебе Богом благ, приучил себя быть милосердным к ближнему, так что уже ни алчность, ни гордыня, ни сладострастие, ни чревоугодие, ни уныние, ни гнев, ни зависть не имеет в тебе места, но одно лишь смирение, достичь *субботы упокоения*, т.е. в веке сем *остановиться и увидеть, как сладостен Господь*²⁸.

Ибо тогда, уже навькнув в сладости святых молитв и в сокрушении сердечном, упразднившись от дел мирских, к одной лишь любви Божией устремляешь ты око ума, предвкушаешь, сгорая от великого желания, радость счастья и, насколько отпущено будет Божиим даром, в умоисступлении взлетаешь к Нему *ввысь*²⁹.

Такова *наилучшая часть* христианской жизни, которая *не отнимется*, ибо начало берёт здесь, а к совершенству приходит в вечности.

Начинается же здесь она с того, чтобы, *сидя возле ног Иисусовых*, погружаться размышлением в смирение Самого Иисуса, в то, как вошёл Он в сей мир и как ходил в нём; размышлять не поверхностно, но облекаясь в форму Его и принимая слово Его слухом сердечным.

24. Слово же, истекающее от главы Божией, [происходит] не от мира сего, но от иного; и потому воспламенившийся желанием счастья созерцатель всё *жительство своё*

---

²⁷ Григорий Великий, «Моралии на Иова» VI, 37 (59); ср. у НК: VIII, 12

²⁸ Пс. 45, 11; 33, 9

²⁹ компиляция из Беды Достопочтенного - см. у НК: VIII, 14 и прим.

полагает в небесных³⁰. И когда так всю силу устремится к небесным, то от жара любви «расширяется сердце», и свидетельство совести ощущает присутствие Бога, и Сам Он становится видим для ока души – интеллекта³¹. Ибо где Его пламенно желают, там и Он; там *творит обитель и переносится в эти святые души*³².

От этого сладостного посещения³³, когда Он так, подобно моментальной вспышке, обнаруживает Свой присутствие, возникает восторженность ума, который на руках Возлюбленного начинает слегка засыпать, с тем чтобы, прильнув, не только насладиться, но и задержаться [в Его объятиях], чтобы отрешиться, словно действием какой-то силы, от ощущения и памяти обо всём видимом и почти забыться, по слову из Песни Песней: «Я сплю, а сердце моё бодрствует»³⁴. Такая любовь к Богу, приправленная пониманием, опьяняет ум и, отрешив от внешнего, прилепляет его к Богу своему. И чем любовная тяга сильнее, а понимание яснее, тем более властно восхищают они ум к себе, пока тот, наконец, отбросив всё, что ниже Бога, не станет упорно держаться [созерцания], подобного вспышке света.

25. Сам по себе ум способен помыслить только немного, да и то рассеянно, но когда его вознесёт поток высшего света, видит одновременно тем больше разных вещей, чем выше над собой поднимается. И поскольку *тело отягощает подавляет ум*³⁵, а мирские занятия зовут душу назад к самой себе, то она поэтому вместе с Павлом восклицает: «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?»³⁶ И тут же снова низвергается созерцательная душа долу и питается лишь сладкой памятью увиденного.

Так благочестивые мужи, согласно святому Григорию, «едва прикоснувшись украдкой к чему-то от неопisanного света, возвращаются, вздыхая, в собственные потёмки»³⁷.

На этой ступени обнаруживаются различные виды благочестия, а именно: ликование, духовное опьянение, истаивание и духовная весёлость.

После этого приходят к отчуждению ума либо от великого благочестия, либо от великого изумления, либо от великого восторга, когда человеческий ум, сам себя не вмещая и над самим собой возносясь, переходит в состояние отчуждённости.

Вырывающееся за пределы человеческой меры пламя [благочестия] плавит ум человека, словно воск, подобно тому как ослепляет взор избыток света; и тогда он по многу раз впадает в отчуждённую, застывая от [изумления] горней красоте. А от

---

³⁰ Флп. 3, 20

³¹ см. VIII, 20 и прим.

³² Ин. 14, 2; Прем. 7, 27

³³ далее до конца §26 повторяются выдержки (из Давида Аугсбургского и Ришара Сен-Викторского) в ранней успенской проповеди НК: см. VIII, 21-22 и прим.

³⁴ Песн. 5, 2

³⁵ Прем. 9, 15; «*terrena inhabitatio deprimit sensum multa cogitantem*»; синод. «земная хранина подавляет многозаботливый ум»

³⁶ Рим. 7, 24

³⁷ Григорий Великий, «Беседы на Иезекииля» II, 2 (12)

великого восторга того, кто распробовал сокровенную горную сладость, вводит в умную отчуждённость буйство пляски.

И пока мы не испытали подобного, любви в нас мало, ибо от горячей любви происходит именно такое, и т.д.

26. Из Евангелия можно усмотреть три ступени созерцания.

Низшую ступень - расширения [ума] - усматриваем в *сидении возле ног Иисусовых*. Ибо это действие любви – сидеть и готовить себя к принятию слов Возлюбленного.

Вторую ступень - восторженности ума - усматриваем в том, как ум питался словом жизни, восторгаясь ввысь, чтобы увидеть жизнь истинную.

Третью ступень - отчуждения – усматриваем в *избрании* того самого *наилучшего*. Ум, которому открылась жизнь горная, переходит к отчуждению от себя, когда избирает эту *наилучшую* жизнь.

27. Однако Мария, Theotocos, обрела из всех людей часть наилучшую в жизни как деятельной, так и созерцательной.

Ибо была наисвятейшей - *освящённым селением Вышнего*³⁸. И потому была поистине Марфой, *принявшей в доме Своём Слово Божие, позаботившейся о многих службах* Ему и исполнившей дела милосердия в степени наивысшей.

«Ибо поскольку дела милосердия имеют степени, смотря по тому, сколько в них любви, сколь нуждающемуся оказаны, или сколь достойному из нуждающихся, или сколь действенны, или сколь необходимы или, наоборот, излишни. У Девы Марии всё сие сошлось в наивысшей степени: максимальная любовь отдана максимально нуждающемуся из всей твари, ибо не было среди путников большего бедняка, чем Иисус Христос. Отдана достойнейшему из бедных, ибо нет нищего достойнее, чем Иисус. Ибо дело милосердия больше, когда оказано епископу, нежели чем когда мирянину, равно нуждающимся. Следовательно, максимальным было то, что оказано Богу. И действенным [Её] милосердие тоже было максимально, ибо отдала Бога как цену за несчастных пленников; как пропитание в дорогу (viaticum) изголодавшимся, как награду труждающимся, как врачевство недужным, и вместе с Ним даровала нам Царство Небесное. Не излишними, но необходимыми были дела милосердия Её для беднейшего странника, Её Сына: из Собственных кровей *«сделала Ему ризу пеструю»*³⁹, в недрах чрева Своего приютила, от Собственного тела питала и вскармливала»⁴⁰.

28. И созерцательная Мария тоже обладала всяческим превосходством. Очевидно, о Ней говорит Возлюбленный в Песни: *«Кто Сия, восходящая по пустыне...? Кто Сия,*

---

³⁸ Пс. 45, 5

³⁹ Быт. 37, 3

⁴⁰ весь пассаж выше – повторение выдержки из «Мариала» - см. VIII, 13 и прим.

выступающая, как заря на восходе..? Кто Сия, восходящая от пустыни, точащая сладость, опираясь на Возлюбленного Своего?»⁴¹

Ибо, глубже и яснее всех смертных распробовав умным вкушением сладость Самого *Одного, превзошла всякое созерцание*⁴².

Бога невозможно в максимальной степени не полюбить, когда ум в максимальной степени Его постигнет. У других людей, даже если иногда и случается им, будучи в восхищении, «вкусить сходящую в уста от главы божества *слюну*, чрево всё равно не может её *проглотить*»⁴³, потому что «ум, отвлечённый заботами, [не входит в себя] через память, затуманенный чувственными образами, не приходит в себя [через понимание], увлечённый похотью, не возвращается к себе через желание сладости внутренней»⁴⁴. А если и возвращается, то происходит это с великой трудностью, потому что *сладость Господню вкусили* прежде того не правильно и не полностью, как о том сказано в «Моралиях» у Григория⁴⁵.

Однако Блаженная Мария вкусила в полноте и, загоревшись чуждым всякой усталости вечным желанием, не переставала алкать и жаждать восприятия толикого блага в вечных объятиях всё сильнее. И потому всегда возрастала. И оттого *наилучшая часть* никогда *не была отнята у Неё*.

И это – о втором.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

29. Евангелие можно, в-третьих, понимать и так, что Иисус открывает нам здесь то, чего должны мы ожидать после сей жизни. В этом смысле сейчас нам достаточно будет дать троякое истолкование слов темы, хотя возможно ещё множество других.

Ибо, [во-первых], сказано: «*Мария*», что переводится как «просвещение», - дабы мы почерпнули [отсюда] просвещение ищущему интеллекту. Это мы уже коснулись в первой части.

Затем сказано: «*избрала наилучшую часть*», - дабы мы почерпнули, что надлежит избирать христообразному аффекту; и этого коснулись мы в части второй.

И, наконец, прибавлено: «*которая не отнимется у неё*», - и, соответственно, отсюда должны мы почерпнуть, что будет целью и окончанием странствия нашей души с точки

---

⁴¹ Песн. 3, 6; 6, 10; 8, 5 (Вульг) – см. VIII, 23 и прим.

⁴² ср. Притч. 31, 29 (Вульг)

⁴³ Иов 7, 19 по Григорию Великому - см. у НК: VIII, 18 и прим.

⁴⁴ «mens distenta est sollicitudinibus et per memoriam phantasmatis est obnubilata, non redit ad se, quia concupiscentiis illecta; et non revertitur ad se per salutis aeternae desiderium» - неточная и неисправная цитата из Бонавентуры, здесь в переводе отчасти исправленная по первоисточнику, что так же и более осмысленно по контексту) – см. у НК: VIII, 23 и прим.

⁴⁵ Григорий Великий, «Моралии на Иова» XXXI, 12 (19)

зрения [обеих этих её] способностей, интеллекта и аффекта. Об этом присовокупим немного сейчас.

30. Во-первых, мы знаем, что дела милосердия, в коих многое смятение, отсутствуют в Царстве иного мира, Царстве покоя и согласия (*pacis*), потому что там нет нуждающихся. И по этой причине любые дела, какие только могут быть совершены в мире сем, сколь бы похвальны они не были, не длятся, но исчезают. И вечного мира (*рах*) за них никогда не получить, потому что в этих делах нет ничего вечного.

Но только любовь (*caritas*), знаками которой эти дела являются, есть то, что с оскудением дел не прекращается и не оскудевает, принадлежа той же области, что и бессмертная душа, которую она не покидает, поскольку душа именно в ней и *укоренена*⁴⁶. Ибо как жизнь человеку обеспечивает жизнь его души, так что жизнь человека в жизни души укоренена, так сама жизнь души – это любовь, и жизнь разумной души, поскольку она разумна, *укоренена в любви*.

31. Любовь есть сила, единящая аффект души с её жизнью (которая есть само единое, истинное и благое⁴⁷), подобно тому как чувственная жизнь тела состоит в единении с чувственной душой, каковой *союз*⁴⁸ именуется любовью [природной] (*amor*). Поэтому невозможность творить дела любви - не помеха единению души со своей жизнью.

Однако желающему приобрести любовь необходимо знать, где именно нужно искать жизнь души, ибо если сможет её найти, то не сможет в неё не влюбиться. Поэтому Евангелие и учит нас, что только *одно необходимо* всем, чтобы быть тем, что они суть, или к чему стремятся. И когда, узнав это, его избирают, то происходит это от влюблённости по изволению влюблённого, так что избравший соединяется с ним и никогда уже с этим *избранным* своим *наилучшим* не расстанется.

32. Таким образом, мы узнаём из этого Евангелия, что душа, в своём избрании обратившаяся вместо *одного необходимого* к чему угодно другому, никогда не будет в мире (*in pace*). Всё, что она помимо этого «одного» изберёт, окажется бессильно доставить ей спокойную жизнь, так как будет нечего дать. Есть только один источник жизни, способный давать с избытком.

Тогда как всё, что избрано помимо *одного необходимого*, *отнимется*. И это, когда возлюбленное отнимается, для влюблённой души всё равно что умереть, так же как для видящего взгляда всё равно что умереть, когда отнимается видимый предмет. Ибо он тогда не видит ничего, и не потому что глаз ослеп, а потому что не стало видимого. Так желудок с отнятием пищи желать пищи не перестаёт, а напротив всё больше страдает, потому что голод усиливается, а сам он пустеет.

Точно так же и отсутствие или отвращение от истины есть для интеллекта смерть, ибо ему тогда неоткуда брать пищу.

---

⁴⁶ Еф. 3, 17

⁴⁷ см. XXXVII, 12 и прим.

⁴⁸ ср. Кол. 3, 14

33. Итак, в меру своего любовного горения душа соединяется с жизнью своей, *которая не отнимется у неё*, потому что это - вечный источник жизни.

И так как счастье душа обретает соответственно степени своей любви, отсюда полностью очевидно, что Дева Мария обрела счастье превыше всех духов. Ибо, как засвидетельствовано Богом через Ангела, обрела *полноту благодати* в высочайшем причастии абсолютной полноты воплотившегося в Ней Слова.

Эту мысль развивают, воспевая Ей хвалы, святые мужи. Так рассуждает Иероним, когда пишет к Павле и Евстохию: «Если некие из святых обрели благодать быть с почестью вознесёнными песнословащими Ангельскими ликами к небесному отечеству, то не лишена была той же участи и Мария, Которую, как надлежит верить, *грозное, словно полки со знамёнами*⁴⁹, множество небесных духов ввело в чертог небесный»⁵⁰.

34. Так рассуждает и Альберт, разъясняя привилегии святых⁵¹, которые заранее знали о смерти своей, как Мартин; отошли безболезненно, как Иоанн; были сразу же взяты во славу; не видели тления, и т.д.

Ковчег завета был из *дерева ситтим*, которое не разрушается; *и в нём манна..*, которая прообразует Марию; и его *видел на небе* Иоанн в Апокалипсисе⁵², и т.д. И как Давид *привёл с почестями ковчег*⁵³, так и Христос *привёл ковчег покоя Своего*, согласно сказанному: «*Воскресни в покой Твой, Ты и ковчег святыни Твоей!*»⁵⁴

Если святые стяжали себе венцы и ореолы и т.д., то и во всём этом тоже превознесена Она превыше всех!

Ещё Иоанн видел в Апокалипсисе это *знамение великое на небе: жену, облечённую в солнце; под ногами её луна, увенчанную, и т.д.*⁵⁵

35. Здесь присовокупляется сладостное созерцание о смерти и восхождении Марии через лики Ангельские⁵⁶, пока не *встала Царица одесную в позлащенных ризах* вечной славы⁵⁷, к коей Её молитвами да приведёт нас Христос, Её Присноблагословенный Сын.

---

⁴⁹ Песн. 6, 4; 6, 10

⁵⁰ НК ссылается здесь, судя по всему, на пс.-Иеронимово (Пасхазий Радберт) «Письмо Павле и Евстохию об Успении Девы Марии», где, однако, в точности этих слов не обнаружено – см. у НК: VIII, 28 и прим.

⁵¹ имеется в виду «Мариал» пс.-Альберта - см. ко всему § 34 ниже у НК: VIII, 25 и 28 и ссылки там

⁵² Втор. 10, 3; Евр. 9, 4; Откр. 11, 19

⁵³ 2 Цар. 6, 12 (Вульг.)

⁵⁴ Пс. 131, 8

⁵⁵ Откр. 12, 1

⁵⁶ см. VIII, 29-31

⁵⁷ Пс. 44, 10 (цсл)